

РЕЦЕНЗИИ

R. Godel. Les sources manuscrites du «Cours de linguistique générale» de F. de Saussure. — Genève — Paris, 1957. 283 стр. («Société de publications romanes et françaises sous la direction de M. Roques», LXI)

Новая работа видного швейцарского ученого Р. Годеля о творческом пути Ф. де Соссюра и истории создания его «Курса общей лингвистики»¹ — результат кропотливого и тщательного исследования рукописного наследия де Соссюра [см. подробное описание рукописных материалов, которое приводится в начале книги (стр. 13—17), а также гл. II «Анализ рукописных источников» (стр. 36—94)]². Труд Р. Годеля позволяет составить более полное представление о Ф. де Соссюре и его концепции.

Материалы, собранные Р. Годелем, показывают вначале Ф. де Соссюра как историка языка, которому принадлежит ряд интересных курсов по индоевропейскому языкознанию и особенно по германистике и по классической филологии. Годель приводит одно из писем (1894 г.) к А. Мейе, где де Соссюр сам называет себя историком языка. В то же время проблемы общей лингвистики занимают в творчестве Соссюра чрезвычайно большое место (см. гл. I «Место общей лингвистики в жизни Ф. де Соссюра», стр. 23—35). В упомянутом уже письме к А. Мейе де Соссюр писал, что работает «над общим курсом лингвистики», «над логической классификацией [языковых] фактов» (стр. 31)³⁻⁴. Анализируя немногочисленные рукописи Ф. де Соссюра и его письма, Р. Годель, вопреки распространенному мнению, показал, что существует преемственная органическая связь между де Соссюром — автором «Исследования о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» и де Соссюром — лектором курсов общего языкознания в Женеве. Внимательное изучение рукописей

выявляет постоянство Соссюра в использовании определенных формулировок, к которым он неоднократно возвращался, уточняя и закрепляя их [см. приложение «Терминологическая лексика» (стр. 252—281), где приводятся термины, употреблявшиеся Соссюром, их объяснения и подтверждения цитатами]; поэтому Р. Годель не соглашается с мнением издателей «Курса» о том, что Ф. де Соссюр принадлежал «к числу непрестанно обновляющихся в своем мышлении людей»⁵ (стр. 130—131).

Хорошо известно, что «Курс» не был опубликован при жизни Ф. де Соссюра, но гораздо менее известно, что автор и не собирался публиковать его, так как считал свой труд незавершенным, нуждающимся в серьезной доработке на философской основе; он не раз повторял, что «статическая лингвистика представляет собой пока только эскиз» (стр. 35 и др.). Тем не менее Ш. Балли и А. Сешез выполнили большую задачу, обнародовав воззрения Соссюра, благодаря которым заложено начало осмысления языка как системы, означавшее конец господства младограмматической концепции.

В русском языкознании идеи социального характера языка, понимания его как системы, идеи изучения его в описательном и историческом планах, а также с внешней и внутренней сторон не были новы, они получили освещение еще в 70-х годах XIX в. в работах представителей казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртене и Н. В. Крушевского. Напомним слова Л. В. Щербя: «...очень многое, высказанное Соссюром в его глубоко продуманном и изящном изложении, ставшем всеобщим достоянием и вызвавшим всеобщий восторг в 1916 г., нам было давно известно из писаний Бодуэна»⁶. Ф. де Соссюр не только был знаком с трудами этих языковедов, но и высоко оценивал их. Он писал в заметке на книгу А. Сешез в 1908 г., что «Бодуэн де Куртене и Крушевский подошли ближе всех к теоретическому рассмотрению языка, не выходя за пределы чисто лингвистических соображений; однако эти ученые были неизвестны большинству западноевропейских языковедов» (стр. 51).

⁵ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 26; F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1922, стр. 8—9.

⁶ Л. В. Щербя, Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., 1958, стр. 14, примеч. 1.

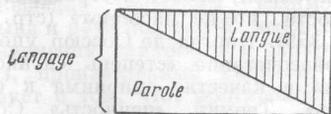
¹ Ввиду того что русское издание «Курса общей лингвистики» стало библиографической редкостью, следовало бы подумать о подготовке нового уточненного перевода с комментариями, учитывающими материалы рецензируемой книги Р. Годеля.

² Дополнительный материал см., кроме того: F. de Saussure, Cours de linguistique générale (1908—1909). Introduction, «Cahiers Ferdinand de Saussure», 15, 1957.

³⁻⁴ Здесь и далее в тексте приводятся страницы рецензируемой книги.

Изучение лингвистической концепции Ф. де Соссюра, чему посвящена гл. IV «Проблемы интерпретации» (стр. 130—251), закономерно начинать с раскрытия им соотношения языка и речи, так как оно в известной степени предопределяет разрешение всех остальных проблем, затронутых в знаменитой работе. Эта центральная проблема интересовала де Соссюра с самого начала его творческой деятельности, о чем он писал в письме к А. Мейе (1894). Но и в «Курсе», и в рукописных материалах содержание каждой из сторон речевой деятельности раскрывается не всегда достаточно последовательно. Самым неопределенным из употребляемых де Соссюром трех терминов — «речевая деятельность», «язык», «речь» — является первый, часто используемый в качестве синонима ко второму термину. Нередко в тексте лекций Соссюра, в его заметках и письмах подчеркивается тождество понятий «языка» («la langue») и «речевой деятельности» («le langage»): «речевая деятельность, или язык вообще; язык и речевая деятельность являются одним и тем же; одно является обобщением другого» («langue et langage ne sont qu'un même chose; l'un est la généralisation de l'autre») и даже: «...эту систему независимых символов — речевую деятельность» («ce système particulier de symboles indépendants qui est le langage») (стр. 142). Р. Годель отмечает, что именно эта нечеткость в употреблении терминов явилась причиной того, что издатели «Курса» ввели такие заключительные слова: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»⁷, которые не принадлежали Соссюру; в черновых записях самого де Соссюра сказано: «объект лингвистики — это „речевая деятельность либо в ее различных проявлениях, либо в виде общих законов, которые могут быть выведены лишь из ее особых форм“» (стр. 179).

В опубликованных Р. Годелем материалах соотношение языка, речи и речевой деятельности иллюстрируется схемой, которую Соссюр предложил в лекциях курса 1908—1909 гг. (стр. 153):

Эта схема наглядно показывает единство языка и речи как двух сторон речевой деятельности; в схемах же, составленных интерпретаторами «Курса», на первый план выступает их разобщение.

Подчеркивая различие языка и речи, Ф. де Соссюр не только не отрицал их свя-

зи и взаимозависимости, но неоднократно указывал на это: «мы знаем язык только через речь»; «необходима речь для установления языка»; «1) В языке нет ничего, что бы не вошло в него (прямо или косвенно) через речь... Наоборот, речь возможна лишь благодаря такому продукту, как язык, который снабжает индивида элементами для построения своей речи. 2) Коллективное сознание вырабатывает и фиксирует этот продукт» (стр. 155); «можно и должно рассматривать язык, абстрагируясь от речи, но нельзя рассматривать речь, абстрагируясь от языка» (стр. 151). Вместе с тем де Соссюр иногда использует оба термина без четкого их разграничения. Это можно проследить и по изданному «Курсу»⁸ и, особенно, по неизданным материалам, в которых встречаются такие формулировки: речь наиболее социальна, так как она является «суммой того, что говорят люди» (стр. 271), а язык — совершенно индивидуален, так как язык — «это все то, что содержится в мозгу индивида, некоем складе (le dépôt) понимаемых, используемых форм и их смысла» (стр. 145, 266). Таким образом, обе стороны речевой деятельности могут рассматриваться как с социальной, так и с индивидуальной точки зрения: видимо, сам Соссюр еще не уточнил использование терминологии.

Язык рассматривается Ф. де Соссюром как статическая математически точная система. Еще в 1894 г. Соссюр писал: «все отношения в языке могут быть выражены в математических формулах» (стр. 44). В черновиках де Соссюра и его письмах термин «система» постоянно употребляется с прилагательным «точная» («sergé»). В 1909 г. Соссюр говорил: «Язык — это точная система, и его теория должна быть системой столь же точной, как язык» (стр. 29). Эту же мысль он повторил в 1911 г.: «Общая лингвистика представляется мне как геометрическая система» (стр. 30). Ф. де Соссюр неоднократно прибегает к алгебраическим обозначениям отношений в системе языка, компоненты которой определяются им как ее «члены» («termes»).

Р. Годель правильно подметил, что издатели и многочисленные комментаторы Ф. де Соссюра не обратили достаточного внимания на часто используемое им слово «член» («terme»), тогда как «оно является одним из ключевых слов в соссюровской лингвистике» (стр. 220). Слово «член» широко используется и в формальной логике («члены отношений, суждений» и т. п.) и в математике («члены бинама, прогрессии»). У де Соссюра это слово также употреблено в соответствии с его представлениями об алгебраическом характере языка. В записях Соссюра, в конспектах его учеников постоянно встречаются выражения: «Отношение или явление предполагает определенное число членов [...], между которыми оно устанавливается» (стр. 221)⁹. Р. Го-

⁷ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 207; F. de Saussure, указ. соч., 1922, стр. 317 (в дальнейшем ссылки будут даваться на эти два издания).

⁸ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 95.

⁹ В русском переводе книги слово «терме», многозначное во французском языке,

дель подчеркивает, что Соссюр никогда не смешивал употребление слов «член» («terme») и «знак» («sign»).

На основании книги Р. Годеля можно составить представление о том, что Соссюр считал «слово» основным членом системы языка. Ср. его высказывания: «слова как члены системы» (стр. 89); «когда мы говорим: член, вместо слова, мы подразумеваем систему» (стр. 228). Однако в то же время де Соссюр не рассматривал слово как единицу материальную.

В состав системы языка Ф. де Соссюр включал, по мнению Р. Годеля: «... единицы, модели их возможных комбинаций, не в абстрактной форме категорий и схем, а в конкретной форме примеров и ассоциативных рядов. Надо признать, что эти ряды не совсем одинаковы у всех индивидов и даже у одного индивида в разном возрасте; важно, что они представляют собой те же классы единиц и типы синтагм: язык — грамматическая система, а не какая-то определенная сумма знаков» (стр. 179). Это замечание можно считать еще одним свидетельством того, что де Соссюр был гораздо ближе к пониманию сущности системного характера языка, чем его многочисленные последователи, особенно в Дании и Америке. Соссюр приближался к пониманию материальной природы языка, но не мог ее обнаружить, а тем более признать. Колебания Соссюра выступают наиболее четко в его рассуждениях о принципах ограничения лингвистических единиц. Он учил: «необходимо ограничивать лингвистические сущности; это операция... ни в коем случае не чисто материальная, но необходимая и возможная, так как в ней есть материальный элемент. Когда это ограничение произведено, можно вместо слова „сущность“ употреблять слово „единица“» (стр. 211). Возможность ограничения единиц, вытекающая из линейности языка, заставляет Соссюра часто упоминать о конкретности единиц. Он пишет, что «существовать для лингвистического элемента — это значит быть ограниченным в своей ценности (в определенном смысле), которую говорящие придают ему» (там же).

Из материалов, опубликованных Р. Годелем, можно сделать вывод о том, что Ф. де Соссюр приближался к пониманию вербального характера мышления, так как он неоднократно повторяет в записках и лекциях (выполте до последнего курса) мысль, высказанную им еще в 1891 г., о соотношении звуковой стороны и сознания: «то, что противопоставляется материальному звуку, является сочетанием звук — идея („son—idée“), но ни в коем случае не одной идеей» (стр. 212); однако в конце концов он решил, что мысль и звук, отграниченные друг от друга, представляют собой аморфные массы. В связи

каждый раз дается как «термин», что совершенно искажает математическое толкование описываемых Соссюром явлений (см., например, Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 119, 120).

с этим издателя поместили в «Курсе» фразу: «язык есть форма, а не субстанция», упустив из виду, что Соссюр считал слово «форма» одноклассным и избегал употреблять его (стр. 191). В соединении «звук — идея» Соссюр отводил решающую роль значению: «только значение позволяет ограничивать слова в произносимой цепи» (стр. 214); «только мысль ограничивает единицы; звук сам по себе не способен к отграничению, всегда должно быть соотношение с мыслью» (там же). Колебания де Соссюра ясно видны также из следующих его высказываний, в которых он сначала утверждает, что «не звуковая произносимая субстанция представляется нам как основа того, что составляет слово» (стр. 277), а потом все же добавляет: «с материальной субстанцией, которая входит в каждую единицу, необходимо так же считаться [...], как и с функцией, которая приписывается этой субстанции» (там же).

Вскрывая системный характер языка, Ф. де Соссюр много внимания уделяет понятию ценности, или значимости («valeur»), которое тем не менее остается у него недостаточно разъясненным и в «Курсе», и в рукописных материалах. Сравнительно многочисленные примеры высказываний Соссюра, Р. Годель считает, что чаще всего понятие ценности приравнивается к понятию значения. Так, в записках лекций Соссюра и в его черновиках можно найти следующие соображения: «Идея ценности всегда связана с членом... Ценность — синоним смысла, значения...» (стр. 236), но при этом следует говорить о «ценности членов и значений слов» («valeur des termes et sens des mots») (там же). В одном месте даже сказано: «Ценность — элемент смысла. Но и смысл надо понимать как ценность» (там же). Р. Годель заметил, что издатели выпустили эту неясную фразу, повторенную во всех записках лекций Соссюра курса 1908—1909 г. Утверждая синонимичность терминов «ценность» и «значение», Соссюр в то же время говорит, например, о том, что ценность множественного числа в латинском и немецком языках не адекватна ценности множественного числа в санскрите (вследствие наличия в последнем двойственного числа), хотя значение их совпадает, и далее добавляет: «Значение (или смысл) может абстрагироваться от ценности, но не наоборот» (стр. 236, примеч. 359). Иногда де Соссюр употреблял словосочетание «степень сигнификативности» в качестве синонима к слову «ценность». Термин «ценность» Соссюр предпочитает употреблять по отношению к знакам вообще, вводя семнологию в ряд наук, занимающихся ценностями (см. сравнение семнологических ценностей с ценностями политэкономии — стр. 235).

Интересно высказанное Р. Годелем предположение о том, что издатели «Курса» (точнее — А. Сешез, который высказал подобную мысль в статье, относящейся к началу 1916 г.) добавили к материальной ценности еще понятие концептуальной ценности, которое ни в записках лекций, ни в черновых материалах самого Соссюра не

фигурирует. Отмечая, что Соссюр рассматривал в своих курсах проблему ценности после теории ассоциаций и синтагм, так как понятие ценности связано с понятием системы отношений, особенно синтагматических (стр. 231), а также ассоциативных (стр. 200), Гodelь считает, что издатель неправомерно включил эту проблему во введение (изучение системы и механизма языка), чем — можем мы добавить — затруднили понимание теории Соссюра.

Давно известно соссюрское определение языка как «системы знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны»¹⁰. Анализ рукописных материалов позволил Р. Гodelю сделать вывод о том, что такое толкование не соответствует идее самого Соссюра. В конспекте, по которому работали Ш. Балли и А. Сешез, записано: «...соединение з в у к а (разрядка моя.— Н. С.) и акустического образа» («l'union du son et d'image acoustique»). Эта фраза вызвала недоумение издателей, что следует из пометки на полях рукописи, сделанной рукой Сешез: «de sens?» («смысла?»). С этим исправлением фраза вошла в «Курс». В записях другого студента Гodelь нашел несколько иную формулировку того же определения: «единство звукового исполнения и акустического образа» («...de l'exécution phonatoire et de l'image acoustique»), которая не только убеждает в неправомерности поправки, сделанной издателями, но и заставляет по-другому оценить определение Соссюром языка, которое восстанавливается Р. Гodelем в следующем виде: «Язык — социальный продукт, находящийся в виде некоего сокровища в мозгу каждого индивидуума, ...единство звука и акустического образа» (стр. 152). Под акустическим образом Соссюр понимал знак звукового исполнения, отличающийся от других знаков, например письма, так как считал, что: «язык и письмо — две системы знаков, из которых вторая имеет особое назначение — представлять первую» (стр. 153, примеч. 81). Р. Гodelь называет письмо системой непрямым («indirect») знаков, хотя, пожалуй, точнее было бы назвать его системой вторичных знаков.

Решение проблемы взаимоотношения языка и речи подвело Ф. де Соссюра к разграничению синхронии и диахронии. Анализ, произведенный Гodelем, свидетельствует о том, что, противопоставляя синхронии диахронии, Соссюр не отрицал их взаимосвязи, как это принято думать. Все свои лекции по общей лингвистике он всегда начинал с эволюционной (диахронической) лингвистики, как бы подводя слушателей издали к более сложным вопросам статической (синхронической) лингвистики. Р. Гodelь упрекает издателей «Курса» за то, что они пренебрегли методической схемой Соссюра и ответили проблемам синхронической лингвистики первое

место, следуя мысли А. Сешез, которую последний высказывал еще в 1908 г.

Соссюр неоднократно указывал на то, что не следует смешивать историю языков и языковых семей, предполагающую применение сравнительно-исторического метода, с диахронической лингвистикой, являющейся общей теорией языковой эволюции. Судя по материалам, приведенным в «Курсе», а также собранным Гodelем, Соссюру не удалось разработать диахроническую лингвистику: он не успел создать лингвистику речи¹¹, а, по его мнению: «все, что есть в языке диахронического, существует в нем благодаря речи» (стр. 156). То, что дано в «Курсе» под названием диахронической лингвистики, конечно, не является общей теорией эволюции, а представляет собой отдельные наброски, тематика которых, как бы ни были оригинальны некоторые трактовки, не выходила за рамки современного Соссюру языкознания (звуковые изменения, аналогия, этимология и т. п.), кроме главы о двух перспективах диахронической лингвистики, помещенной издателями совершенно необоснованно, как правильно заметил Р. Гodelь, в пятую часть вместо третьей части книги.

Издатели «Курса» не подчеркнули и того, что историю языка Ф. де Соссюр относил к внешней лингвистике. Помещение издателями вопросов, связанных с разграничением внешней и внутренней лингвистики, во вводные главы навело многих исследователей на мысль о том, что это противопоставление является более важным по сравнению с разграничением синхронии и диахронии. На основе анализа рукописных материалов Р. Гodelь отмечает, что между внешней и внутренней сторонами языка не существует такого радикального противопоставления, как между синхронической и диахронической лингвистиками, которое является центральным в концепции Соссюра (стр. 184). От внимания комментаторов ускользнуло то, что Соссюр не отрицал взаимосвязи внешней и внутренней сторон. В курсе лекций 1908—1909 гг. он особенно подчеркивал это, указывая вместе с тем, что лингвистика не должна ограничиваться изучением внешней стороны, как она это делала до сих пор.

Р. Гodelь подробно проанализировал работу издателей «Курса» [гл. III «Работа издателей» (стр. 95—129)]. Он отметил, что «Курс» был создан и подготовлен к печати в слишком короткий срок (3 года), учитывая занятость обоих составителей разработкой собственных курсов лекций и трудов; при подготовке его были использованы не все записи, особенно последних лекций Соссюра, не все его рукописи и черновики. В книгу были включены главы, материал которых сам Соссюр никогда не включал в свои лекции (например, глава

¹¹ Р. Гodelь считает неправильным утверждение издателей о том, что Соссюр, якобы, хотел поместить лингвистику речи между синхронической и диахронической лингвистиками.

¹⁰ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 39.

«Фонема в речевой цепи»). Заметки издателей на полях использованных ими рукописных материалов показывают, что многое им самим было неясно и трактовалось порой произвольно; дискутировался каждый лист и создавался по взаимному согласию. Годель приводит некоторые основные выдержки из «Курса» и показывает, что Ш. Балли и А. Сешез в некоторых местах развили или изменили текст рукописей, внося в него дополнения или давая свою интерпретацию, хотя причины этих отступлений не всегда ясны (стр. 115—119). Годель дает критическое чтение некоторых отрывков из «Курса» с параллельным текстом рукописей, что позволяет выявить добавления и изменения, внесенные издателями в текст «Курса» (стр. 122—129).

Р. Годель проделал интересную и трудоемкую работу по сопоставлению всех имевшихся в его распоряжении материалов между собой и по сличению их с «Курсом», особенно тщательно проанализировав главы, в которых трактуется сущность лингвистического знака. Проведенное исследование утвердило Годеля в мысли, что многое в концепции Ф. де Соссюра остается не разъясненным (например, проблема тождества в синхронии и диахронии, соотношение ценности и значения) или спорным (толкование аналогии и этимологии); сомнения вызывает различие между языком, речью и речевой деятельностью; недостаточно раскрыто, что понимал Соссюр под механизмом языка и т. д. Свой вывод автор формулирует так (стр. 249): «Мысль Ф. де Соссюра, судя по его неизданным заметкам и записям курсов, блестяща, хотя улавливается с трудом. Она концентрируется вокруг нескольких основных положений, своего рода геометрических точек, наметивших систему линий, которые должны были в конце концов определить цельную фигуру. Но мы располагаем лишь некоторыми последовательными набросками и фрагментами этой фигуры, которые не дают возможности определить с точностью ее окончательные контуры. Даже терминология, намеренно приспособленная к целям преподавания, далека от того алгебраического выражения, которое, возможно, создал бы Соссюр, если бы он решил выразить свои идеи в книге».

Н. А. Слюсарева

T. Lehr-Splawinski, Z. Stieber. Gramatyka historyczna języka czeskiego. Część I. Wstęp. Fonetyka historyczna. Dialektologia. — Warszawa, 1957. 142 стр.

«Историческая грамматика чешского языка» известных польских лингвистов акад. Т. Лера-Славинского и проф. З. Штибера является научным пособием для студентов и широкого круга читателей. Этим в известной мере определяется отбор материала и его изложение, очень сжатое, почти полностью исключающее толкование различных точек зрения по тому или иному вопросу, а также значительный отсев многих конкретных фактов, не имеющих принципиального значения для характеристики

системы языка. Все это не снижает, однако, достаточно высокого научного уровня книги, ценность и полезность которой не вызывает сомнения.

Введение, а также те разделы главы «Историческая фонетика», которые посвящены праславянскому вокализму, интонации, акценту и отражению их в истории развития чешского языка, написаны акад. Лером-Славинским. Во введении дается общая характеристика славянских языков, определяется их место в семье индоевропейских языков, характеризуется балто-славянское языковое единство, говорится об общности и диалектных различиях праславянского языка, указываются языковые черты юго-западной славянской языковой группы (т. е. чешско-словацкой). Написано введение традиционно. Оно не содержит почти ничего нового по сравнению с предшествующими работами Лера-Славинского¹.

В главе «Историческая фонетика», написанной за исключением названных выше разделов З. Штибером, наиболее ценным является последовательное применение фонологического принципа как к звуковой системе современного чешского языка, так и к исторической фонетике этого языка. Для каждого наиболее значительного этапа в истории развития чешского языка автор определяет звуковую систему языка, причем фонемы (главным образом гласные) четко отграничиваются от фонетически обусловленных, комбинаторных вариантов. При этом описание звуковой системы языка того или иного периода сочетается с описанием истории развития отдельных явлений в хронологической последовательности. Так, например, автор указывает систему гласных фонем, унаследованных чешским языком от праславянского периода, затем определяет систему гласных фонем, возникшую в результате изменения звукового качества носовых и редуцированных гласных, в результате стяжения гласных и других ранних явлений чешской исторической фонетики. Далее выявляется система фонем, явившаяся результатом изменения гласных в долгом слоге и в некоторых других положениях. Таким образом, автор доходит до конца XVI в., т. е. до периода стабилизации звуковой и грамматической системы чешского языка. Этим рассматриваемая книга выгодно отличается от старой традиционной чешской литературы, где нередко система языка растворялась в изложении многочисленных фактов, частных и факультативных явлений.

Хотя излагаемые в главе «Историческая фонетика» факты общеизвестны, однако метод описания, отбор материала, а в ряде случаев и его интерпретация отличаются свежестью и целенаправленностью. В отдельных случаях можно приветствовать отход З. Штибера от традиционного

¹ Ср., например, Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawinski, S. Urbanczyk, Gramatyka historyczna języka polskiego, Warszawa, 1955 и другие его работы.